

Митрополит Иларион: Важнейшими документами советской эпохи, проливающими свет на весь механизм уничтожения Церкви, являются архивные документы

21 декабря 2013 года гостем передачи «Церковь и мир», которую на телеканале «Россия-24» ведет митрополит Волоколамский Иларион, стал директор Государственного архива Российской Федерации Сергей Мироненко.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы будем говорить о концепции единого учебника истории, о новомучениках и об архивах. У меня в гостях – директор Государственного архива Российской Федерации Сергей Мироненко. Здравствуйте, Сергей Владимирович!

С. Мироненко: Здравствуйте, Владыка! Очень рад, что Вы удостоили меня чести побеседовать с Вами. Уже была одна телепередача, в которой я участвовал. Она была посвящена проблеме старчества. Старчество как феномен в общем неизвестный ни Католической, ни протестантской церкви. Какое-то время старчество было в Византии. Мы получили это наследство из Византийской империи, если я правильно понимаю. Но наибольшего расцвета старчество достигло в 70-е, 80-е, 90-е годы XIX века в дореволюционной России. Достаточно вспомнить оптинских старцев. Но и в современной России старчество как институт существует. В ходе этой беседы было высказано довольно удивившее меня мнение, что старцем был Сергей Радонежский. Я до сих пор обдумываю, был ли действительно этот замечательный святой, государственный деятель Руси старцем.

Митрополит Иларион: Я хотел бы сказать, что понятие старчества не имеет четкого определения и четко очерченных границ. Мы часто не можем сказать, кто из ныне живущих духовников является старцем, а кто таковым не является. Иной раз люди говорят, что надо поехать к определенному старцу, а другой человек говорит: да никакой это не старец, это обычный священник или обычный духовник. Старец – это, если говорить о том, как старчество у нас сложилось к XIX веку, в частности, при участии оптинских старцев – понятие более широкое, чем понятие священника, духовника, духовного отца. Старец – это человек, который обладает неким безусловным авторитетом в силу своего большого духовного опыта и в силу того опыта соприкосновения с Божественной реальностью, которым он делится с приходящими к нему людьми. К старцам ходили не просто на исповедь или за советами – встреча со старцами часто

переворачивала всю жизнь человека. И эта традиция старчества передавалась из поколение в поколение, сохранялась у нас даже в советское время. Старцев было совсем немного. Их могло быть два или три одновременно, но их имена были известны. Такие, как отец Кирилл (Павлов) – духовник Троице-Сергиевой Лавры, ныне живущий. Такие, как почивший отец Иоанн (Крестьянкин). Вот эти старцы были и остаются своего рода эталонами святости для современников. Старцем можно считать и Сергия Радонежского, потому что, во-первых, он был духовником для своих монахов, а, во-вторых, к нему за советом и за благословением приезжали миряне, в том числе и князья.

С. Мироненко: Перейдем к единому учебнику. Как любой человек, я что-то принимаю, что-то не принимаю, но в целом, мне кажется, нам удалось создать очень интересный продукт. Я не думаю, что это должен быть единый учебник, скажу Вам прямо. Слово «единый» как-то меня отталкивает. Вот если бы его назвали базовым... Есть действительно базовый учебник, который рекомендуется как взгляд государства на отечественную историю, признанный большей частью общества, но он должен быть именно базовым. У учителя все равно должна быть свобода выбора. Конечно, нельзя замыкаться только на этом учебнике. Справедливо сказано, что это должен быть целый набор. И в этом наборе хрестоматий, атласов, книг для учителя, книг для чтения по истории, аудиовизуальных материалов свое место должны найти архивы. Государственный архив Российской Федерации в этом году выступил в качестве автора пилотного проекта «Архивы – школам». В следующем году мы будем развивать этот проект. Мы даем возможность учителю взять из архива подлинный документ и продемонстрировать его ученикам. Что меня привлекает в этом документе, о котором мы сейчас говорим (концепция создания единого учебника по истории), это упор на то, что нужно вовлечь ученика в процесс обсуждения, показать ему разные точки зрения, показать документы, сказать: «Вот, смотри. Это документ. Ты должен его понимать. Ты должен видеть Соборное уложение 1649 года или Слово о законе и благодати митрополита Илариона». Такие вещи, мне кажется, привлекут человека к истории, а не оттолкнут от нее.

Митрополит Иларион: Согласен с Вами, что учебник не должен быть единым в том смысле, что он не должен быть единственным, потому что ученики должны иметь возможность слышать разные точки зрения, читать различную литературу по одному и тому же предмету, а потом уже выбирать свою точку зрения. Я считаю безусловно важным начинать создание такого учебника, потому что в советское время, как Вы помните, у нас вся история была идеологизирована. Вся история представлялась как последовательность неких революционных событий: восстание Спартака, восстание Степана Разина, Емельяна Пугачева и так далее – то есть героями объявлялись в основном разбойники. Через эту разбойничью призму вся история и преподавалась. Многие позитивные герои оставались абсолютно в тени, в том числе выдающие правители России, выдающие полководцы, государственные деятели. С чем мы столкнулись в 90-е годы? Это, по сути, отсутствие всякой идеологии и возможность для любого человека высказывать безнаказанно

любой взгляд на историю, вплоть до самых радикальных и экстремистских. Мы сейчас приходим к пониманию, что при всей возможной разнице во взглядах на историю необходим некий общественный консенсус. Этот общественный консенсус, как я понимаю, и должен быть отражен в едином или базовом учебнике. Какие здесь подводные камни? Конечно, при создании такого базового учебника, в котором будут принимать участие разные авторы, всегда будет опасность замалчивания каких-то фактов, которые у кого-то могут вызвать раздражение, у кого-то обиду, у кого-то несогласие. Например, насколько прозвучит в этом учебнике тема репрессий, если будет говориться о роли Сталина в Великой Отечественной войне, в послереволюционный период? Наверняка у некоторых авторов возникнет искушение эту тему замолчать, прикрыть. Есть много других спорных тем, по которым достичь согласия, конечно, будет очень трудно. В этой концепции прозвучала формулировка «великая русская революция». Меня она очень насторожила, потому что я помню из советских времен великую октябрьскую революцию, я помню великую французскую революцию. Но если мы сейчас будем возвеличивать те события, которые обернулись для страны катастрофой, террором, многомиллионными жертвами, называя это термином «великая», то как бы не оказалось, что мы начнем снова переписывать историю и снова под определенным идеологическим углом.

С. Мироненко: Я с Вами совершенно согласен, потому что историю у нас действительно переписывали после революции. Все, что было до революции, объявлялось позорным. Потом мы вдруг стали страстно любить все, что было до революции. Помните фильм «Россия, которую мы потеряли», который давал явно приукрашенный образ дореволюционной России? Это, может быть, свойство не только русских, но и общечеловеческое – приукрашивать действительность. К сожалению, немного людей найдется, которые захотят посмотреть, что называется, правде в глаза. Базой для создания этого учебника, должно быть, прежде всего, уважение других мнений, стремление создать консенсус. Консенсус можно создать только на правде. На лжи, обмане консенсуса не добьешься. Мы не раз убеждались в этом в течение нашей истории. В нашей истории есть все: и слабое, и позорное, и слезы, и смех, и радость. Это надо понимать и к этому надо относиться с уважением. В документе, о котором мы говорили, никакого замалчивания сталинских репрессий нет. Совершенно с Вами согласен, что термин «великая революция» и для меня Вас неприемлем. Конечно, это не самое великое событие в истории России. Вряд ли его можно назвать великим. Лучше бы назвать его просто «русской революцией 1917 года». Это было бы достаточно. Теперь репрессии. Это удивительно болезненная тема. Болезненная для меня лично еще и потому, что среди современного православного духовенства имя Сталина как-то странно возвеличивается. Я не буду напоминать о батюшках, которые в своих церквах выставляли самодельные иконы, где Сталина прославляли как чуть ли не святого. Но почитание Сталина среди православного духовенства есть. Я понимаю, с чем это связано, – это 1943 год. Да, Сталин пригласил в Кремль чудом оставшихся в живых трех митрополитов. Думал ли тогда Иосиф Виссарионович, что кто-то когда-то узнает, о чем они говорили? Ведь партия это прятала в

закрытые тайники и никогда не думала, что это всплывет. И когда Сталин предложил собрать Поместный Собор, чтобы выбрать Патриарха, он спросил: «Сколько надо времени?», один из присутствующих, по-моему, Алексей (Симанский) сказал: «Месяца три», а Сталин: «А если большевистскими темпами? Лаврентий Павлович Берия вам поможет». Это такая издевка!

Митрополит Иларион: Мне все же кажется, православных сталинистов не так много, и духовенство, которое симпатизирует Сталину, исчисляется единицами.

С. Мироненко: Дай Бог.

Митрополит Иларион: Но я думаю, что очень отрезвляющим для такого духовенства было бы посещение Бутовского полигона. Достаточно просто там побывать, посмотреть на эти фотографии, посмотреть на списки людей, которых там расстреливали по 200, 300, 400, 500 человек в день, просто стреляли им в затылок. Причем там были представители духовенства: там был расстрелян почти 90-летний митрополит Серафим (Чичагов). Там были расстреляны 14-летние, 15-летние парни, которые якобы представляли какую-то угрозу для советской власти. Посмотреть на все это, я думаю, было бы вполне достаточно, чтобы понять, что режим Сталина принес Церкви величайшее зло.

Я, конечно, не могу поверить в ту мифологию, которая связана с якобы имевшим место покаянием Сталина, его обращением к Церкви. Я думаю, что был жесткий прагматический расчет в 1943 году перед открытием Второго фронта, перед визитом сюда делегации англичан, в которую входил архиепископ Йоркский. Все это достаточно широко известно. Сталину вдруг понадобилось показать этим людям Церковь. Надо было показать, что она существует. Поэтому и вызвали митрополитов, поэтому и дали митрополиту Сергию особняк в Чистом переулке, чтобы ему было где принять эту делегацию. Ну а после войны было действительно некое ослабление гонений на Церковь. Гонения не прекратились, они продолжались, но они ослабли. Уже потом, когда Хрущев возобновил с новой силой гонения на Церковь, тогда этот поздний сталинский период конец 40-х годов воспринимался как время своего рода расцвета Церкви, но никакого реального расцвета не было.

Я считаю, что здесь важную роль могут сыграть архивы. Мне довелось работать в архивах по некоторым темам. Действительно, архивные документы раскрывают историю так, как ни одни учебник ее не раскроет. Поэтому я считаю важной ту работу, которая проводится на базе возглавляемого Вами архива, в том числе, конечно, по изучению житий новомучеников, потому что самое драгоценное, что нам осталось от раннехристианской эпохи – это мученические акты, то есть просто беспристрастная запись допросов мучеников, сделанная гонителями, точно так же важнейшими документами советской эпохи, проливающими свет на весь механизм репрессий,

весь механизм давления на Церковь, уничтожения Церкви, являются архивные документы. Я надеюсь, что при составлении этого единого или базового учебника истории данные архивных документов будут в полной мере учтены.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/51910/>